

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ермоляев И.А. От "дипломатического чуда" к системному напряжению: современные вызовы Системе Договора об Антарктике // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 331-341. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76443 EDN: QZKKTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76443

От "дипломатического чуда" к системному напряжению: современные вызовы Системе Договора об Антарктике

Ермоляев Иван Алексеевич

ORCID: 0000-0002-8944-7161

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10

✉ aermolaev98@yandex.ru

Статья из рубрики "Новые вызовы и угрозы безопасности современных государств"

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76443

EDN:

QZKKTQ

Дата направления статьи в редакцию:

27-10-2025

Дата публикации:

24-12-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является эволюция и современные вызовы Системы Договора об Антарктике как уникального международно-правового режима безопасности и научного сотрудничества на континенте. В данной статье автор анализирует исторические условия формирования режима, ключевые компромиссы Договора 1959 года, а также последующие кризисы и их разрешение. Центральное внимание в работе уделяется двум критическим событиям. Кризису конца 1980-х, связанным с проблемой добычей ресурсов в Антарктиде, решившимся принятием Протокола об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991, а также современным вызовам антарктическому режиму. В работе исследуется как изначальные лакуны и гибкие формулировки Договора об Антарктике в долгосрочной перспективе создали предпосылки для новых угроз его стабильности в изменившихся международных

условиях. В работе автор применяет такие методы исторического анализа, как сравнительный метод, проблемно-хронологический подход, ретроспективный метод и системный анализ. В работе с документами были применены методы контент и ивент анализа. Научная новизна данной работы заключается в комплексном анализе СДА как системы, чья устойчивость исторически зависела не от разрешения фундаментальных противоречий между участниками, а от их успешной отсрочки в уникальные исторические окна возможностей. В работе автор приходит к выводу, что Мадридский протокол, спасший систему путём введения бессрочного моратория на добычу ресурсов, сам заложил новый отсроченный кризис. В современных условиях эрозии глобальных институтов и возвращения силовой политики данный кризис приобретает системный характер. Выводы статьи указывают на то, что новые вызовы – появление военно-политического блока AUKUS, создающий риск ползучей милитаризации, и стратегии закрепления "фактического суверенитета" Аргентины и Чили подрывают универсалистские основы Системы Договора об Антарктике.

Ключевые слова:

Договор об Антарктике, СДА, Чили, Аргентина, Антарктика, AUKUS, Фолклендские острова, Мальвинские острова, Латинская Америка, Южный Океан

Договор об Антарктике

Антарктида занимает уникальное место в системе современных международных отношений, являясь единственным континентом, где человеческая деятельность направлена исключительно идеалам мира, науки и сотрудничества. Данный особый статус стал возможен только благодаря формированию специфического международно-правового режима, известному как Система Договоров об Антарктике. Данный режим был основан на системе многосторонних договоров, появившихся в уникальном историческом окне возможностей. Современный международно-правовой режим Антарктиды был создан с первоначальной целью заморозки новых территориальных претензий, но его компромиссный характер и гибкие формулировки заложили основу для появления новых вызовов в будущем. Если ранее подобные вызовы страны смогли преодолеть из-за уникальной международной обстановки окончания Холодной войны, то сегодня подобный кризис Системы Договора об Антарктике может не пережить.

Формирование уникального режима неразрывно связано с периодом «войны флагов», предшествовавшим подписанию Договора об Антарктике 1959 года^[1]. К середине XX века семь государств: Великобритания, Аргентина, Чили, Австралия, Новая Зеландия, Франция и Норвегия – выдвинули территориальные претензии на антарктические сектора. Наиболее острым и потенциально опасным стал сектор Антарктиды между 90° и 150° западной долготы, где пересекались интересы Аргентины, Чили и Великобритании. Данный конфликт, имевший глубокие исторические корни приводил к перестрелкам на антарктических базах, создавая реальную угрозу эскалации в удалённом регионе.

Глобальный контекст того периода Холодной войны выступал в качестве катализатора переговоров^[2]. Противостояние сверхдержав создало серьёзные риски проекции биполярной конфронтации на Антарктику, что могло привести к её милитаризации и политизации. Поворотным моментом в истории стал Международный геофизический год 1957-1958 годов, который продемонстрировал беспрецедентные возможности международной научной кооперации^[3]. Успех МГГ в рамках которого 12 стран, среди

которых были СССР и США, совместно работали на континенте, доказал практическую осуществимость взаимодействия поверх политических барьеров и стал функциональным прообразом будущего режима управления.

В итоге мир стал свидетелем подписания Вашингтонского Договора об Антарктике 1959 года, представлявший собой классический пример компромисса. Ключевые принципы договора сформировали каркас всего режима в будущем. Статья 1 провозгласила демилитаризацию континента, запретив создание любых военных баз и проведение каких-либо манёвров в Антарктическом регионе^[4]. Статья 2 закрепила свободу научных исследований. Важнейшей статьёй договора стала статья 4, закрепившая компромисс «замороженного суверенитета». Данная статья констатировала правовой тупик и «заморозила» статус-кво в отношении суверенитета в регионе. Статья не решала вопрос «Чей суверенитет?», а заключала соглашение о несогласии, откладывая его на неопределённое будущее. Только таким образом получилось усадить за один стол Великобританию, Аргентину и Чили, чьи интересы в Антарктике пересекались. Именно таким образом удалось предотвратить конфликт – не решить его, а отложить на неопределённый срок.

Мадридский протокол: тяжёлый путь из кризиса

Критическим периодом для всей Системы Договора об Антарктике стали конец 1980-х и начало 1990-х. В мире к тому периоду уже существовало понимание, что в недрах «Белого континента» находятся практически неисчерпаемые запасы ресурсов. В 1960-1970-х научный интерес уже смешался к целенаправленным программам исследования геологического состава материка. Учёные осторожно говорили об «оценках ресурсного потенциала», однако политики и СМИ уже транслировали это как «разведанные запасы», что меняло восприятие проблемы переводя её из научной в уже экономическую плоскость. Нarrатив строился вокруг трёх ключевых компонентов из которых углеводороды стали главным драйвером. Наибольший интерес вызывали три крупнейших осадочных бассейна: моря Росса, Уэдделла и Беллинсгаузена. Оценки их потенциала, хоть и варьировались, были впечатляющими. Например, в 1974 году USGS оценивала потенциальные ресурсы антарктических углеводородов в 45 миллиардов баррелей нефти и 115 триллионов кубометров газа. В условиях мирового энергетического кризиса^[5] эти цифры, несмотря на свою гипотетичность, сделали Антарктику объектом стратегического внимания. Успехи шельфовой добычи в сложных условиях Аляски и Северного моря создавали прецедент, подкрепляя веру в то, что технологические барьеры будут преодолены. Чтобы не допустить нового разгорания конфликта на континенте была предпринята попытка усиления Антарктического режима через создание Конвенции о регулировании освоения минеральных ресурсов Антарктики (CRAMRA).

К сожалению, идея CRAMRA была провальной по многим причинам, среди которых основными были две:

- 1) Внутренний институциональный паралич. Право вето государств-заявителей, способное заблокировать любые инициативы в регионе и парализовать работу нового органа. Страны участницы CRAMRA не могли договориться друг с другом ни по одному существенному вопросу о будущем Антарктиды.
- 2) Параллельно в мире популярность набирали разнообразные НКО, продвигавшие идею Антарктиды как «Мирового Парка». Данная кампания происходила на фоне Чернобыльской катастрофы 1986 года, разливов нефти в разных точках планеты. Также параллельно появлялись научные труды, где утверждалось, что в случае подобных

катастроф на территории «Белого материка» ликвидировать последствия будет невозможно.

Финальным ударом по конвенции стали решения двух её основателей – Австралии и Франции, которые почти одновременно отказались от ратификации. Данный демарш не был спонтанным, а стал закономерным результатом конвергенции внутренней и политической динамики и изменившихся глобальных приоритетов. В Австралии правительство лейбористов под руководством Боба Хоука, столкнувшись с сильным оппозиционным движением, провело пересмотр своей позиции. Министр окружающей среды Грэм Ричардсон, стремясь укрепить внутреннюю легитимность и позиционировать страну как лидера в области экологической политики, инициировал публичные слушания, которые продемонстрировали неприемлемость CRAMRA с точки зрения экологической безопасности континента.

Франция тоже совершила разворот в области экологической политики. Под руководством министра окружающей среды Бриса Лаломера официальный Париж выбрал курс на укрепление имиджа защитников экологии. Отказ от конвенции, ассоциировавшийся с рискованной эксплуатацией, стал краеугольным камнем этой новой внешнеполитической повестки.

Таким образом Франция и Австралия стали спусковым крючком в системном сбое CRAMRA^[6]. Поскольку вступлением CRAMRA в силу было обусловлено принципом единогласия всех сторон, демарш двух стран привел не просто к ослаблению, а к полному юридическому краху инициативы. Эти решения ознаменовали триумф национальной политической целесообразности и новой экологической этики над формальными дипломатическими договоренностями. Отказ этих двух стран запустил каскадный эффект легитимационного кризиса, сделав невозможным сохранение прежнего компромисса и вынудив страны участницы СДА искать радикально новое решение, которое было найдено в Мадридском протоколе 1991 года.

В условиях сложного кризиса СДА Мадридский протокол^[7] помог преодолеть кризис. Говоря об истории принятия протокола, нужно понимать уникальность исторического момента, когда данный документ был принят. В мире официально закончилась Холодная война. В тех условиях появилась возможность кардинально поменять парадигму по вопросу Антарктики. Если CRAMRA пыталась регулировать все вопросы, связанные с добычей любых ресурсов на территории Антарктиды, то Мадридский протокол поставил безусловный бессрочный запрет на любую добычу. Это был революционный подход в тот период, устранивший риски для СДА и самое главное восстановивший доверие к системе, придав ей экологическую легитимность в глазах мира. Добиться этого удалось в короткие сроки благодаря принятию следующих статей:

1) Статья 2 провозгласила Антарктику природным заповедником, предназначенным для мира и науки. Это не декларация, а юридически обязывающий принцип, устанавливающий императив из которой должны исходить все страны.

2) Статья 7 содержит положение «Любая деятельность, связанная с минеральными ресурсами, кроме научных исследований, запрещается». Это был прямой и бескомпромиссный ответ на вызов, с которым не справилась CRAMRA. Запрет, оформленный как бессрочный, юридически вывел ресурсный вопрос из текущей на тот момент политической повестки.

3) Статья 3 и Приложение 1 дали механизмы реализации принципа предосторожности.

Чтобы запрет работал, Протокол ввел жёсткую систему оценки воздействия на окружающую среду. Любая деятельность: научная, туристическая, логистическая – подлежит обязательной оценке. Это превратило экологический императив в рутинную административную процедуру, встроенную в процесс любого антарктического планирования.

4) Статья 25 стала, пожалуй, наиболее важной статьёй в документе, закрепив институциональную временность данного документа. Парадоксально, но именно эта статья, обеспечившая принятие данного протокола, заложила главный вызов для будущего. Она установила, что по истечении 50 лет с момента вступления в силу в 1998 году любая консультативная сторона может инициировать процесс пересмотра протокола, включая ключевую статью 7 о запрете. Таким образом, Протокол не разрешил ресурсный вопрос, а отложил его, создав фиксированный горизонт политического напряжения.

Таким образом, принятие Мадридского протокола оказалось спасением для СДА, ставшей возможной только благодаря уникальному окну возможностей в начале 1990-х годов. Протокол выполнил свою кризисную миссию, совершив революционную смену парадигмы. Однако он не устранил фундаментальные противоречия, лишь отсрочив их. Именно эта отсрочка, а не окончательное решение определила современную динамику в Антарктиде^[8]. Сегодня Протокол функционирует как стабилизирующий, но временный каркас, чья собственная судьба стала центральным элементом стратегического планирования всех ключевых игроков. В условиях смены глобальной международной системы возникают новые вызовы, прямо и косвенно затрагивающие стабильность СДА.

Современные вызовы СДА

Сегодня в 2025 году стабильность Системы Договора об Антарктике подвергается эрозии как от некоторых региональных игроков, так и от глобальных акторов МО. На сегодняшний день главный тренд наблюдается не в открытом отрицании принципов СДА, а в эксплуатации юридических «серых зон», и в появлении факторов за пределами антарктического региона, косвенно влияющие на Антарктиду.

Фактор AUKUS

Первый и наиболее существенный вызов стабильности СДА исходит из взаимодействия двух стратегий, реализуемых глобальными игроками. С одной стороны, Китайская Народная Республика, наращивая своё присутствие с 1983 года, прошла путь от новичка до одной из ведущих антарктических стран^[9]. Обладая четырьмя круглогодичными станциями: «Чанчэн», «Чжуншань», «Куньлунь», «Тайшань» - КНР ввела в эксплуатацию пятую станцию в районе моря Росса. Также Китай расширяет свой ледокольный флот, состоящий из 8 ледоколов, 3 из которых постоянно активны: «Сюэлун-1», «Сюэлун-2», «Чжун Шань Да Сюэ Цзи Ди». В 2025 году был запланирован спуск на воду ещё одного китайского ледокола^[10]. Подобные беспрецедентные масштабы и ресурсы Пекина трансформируют эту деятельность в качественно иное явление, создающее системное давление на режим. Подобная экспансия под предлогом научного развития представляет собой классическую эксплуатацию правовых «серых зон» Договора, находящую параллели в действиях КНР в других регионах, таких как строительство искусственных островов в Южно-Китайском море.

Ответом на стремительное усиление КНР в Азии стало появление AUKUS^[11]. Глубинной причиной объединения Австралии, Великобритании и США стал стратегический сдвиг в

Азиатско-Тихоокеанском регионе, где усиление Китая было воспринято как цивилизационно-политический вызов либеральному миропорядку. В этом контексте прагматичные шаги КНР во всех остальных регионах, включая Антарктику, были идеологически переосмыслены в аналитических и медийных нарративах как проявление «авторитарной экспансии» и подготовки к хищнической эксплуатации. Такой дискурс легитимизировал создание AUKUS как оборонительной миссии по защите «миропорядка, основанного на правилах» от «ревизионизма авторитарных режимов».

Хотя формально блок сфокусирован на Азиатско-Тихоокеанский регион, AUKUS географически обладает серьёзной проекцией на Антарктику в силу состава участников:

- Австралия и Великобритания являются заявителями в рамках СДА;
- США обладают «основой для претензий» в соответствии со Статьёй IV Договора;

AUKUS ознаменовал собой сдвиг парадигмы, так как формирование закрытого военно-политического альянса из нескольких участников СДА создает проблемы для самой антарктической системы, так как противоречит духу открытости и сотрудничества. Появление блока усилило опасения мирового сообщества из-за ползучей милитаризации под предлогом безопасности, что создаёт проблемы в рамках Статьи 1 Договора об Антарктике. Также нельзя не учитывать тот факт, что в рамках даже СДА создаётся неформальная коалиция, которая может согласованно влиять на повестку, что маргинализирует остальных участников.

Факты на земле

В отличие от косвенной стратегии давления на СДА, реализуемой глобальными игроками, стратегии Аргентины и Чили носят прямой и локализованный характер. Их цель заключается не в глобальной проекции силы, а в фактическом и демографическом закреплении на территории «белого континента», для создания неоспоримых аргументов в пользу будущего суверенитета^[12]. Эта стратегия представляет собой целенаправленную эксплуатацию главной правовой лакуны Договора об Антарктике 1959 года – Статьи 4 о «замороженных претензиях». Если Статья IV замораживает юридический статус территорий, то действия Буэнос-Айреса и Сантьяго направлены на постепенное формирование нового фактического статуса через методичное создание «необратимых демографических и административных фактов», призванных изменить реальность на земле до любого будущего юридического пересмотра^[13].

Реализуя такую стратегию, Чили и Аргентина применяют различные, но при этом взаимодополняющие подходы отражающие их национальные особенности.

Чилийский подход основан на системной интеграции антарктических территорий в национальное поле, что закреплено в доктрине «Трансконтинентального Чили»^[14]. В данной стратегии важнейшим активом является аэродром «Teniente Rodolfo Marsh» на острове Кинг Джордж. Это ключевой аэродром для тяжёлой авиации, создающий операционную зависимость для многих стран: от Уругвая и Перу до Китая и США^[15]. Чили создала крайне проработанную систему связи с внешним миром, и выступает перевалочным узлом для посылок и международной почты для остальных стран, у которых есть базы в Антарктиде. Поселение «Villa las Estrellas», расположенный на территории станции «Presidente Eduardo Frei Montalva» моделирует обычное гражданское поселение, где есть школа, больница, банк, супермаркет, обеспечивающие возможность круглогодичного проживания^[16].

Также важно отметить, что Антарктический сектор Чили официально включён в состав региона «Magallanes y de la Antártica Chilena». Подобное административное деление распространяет на Антарктический сектор Чили её национальное законодательство, юрисдикцию местных властей и полное бюрократическое управление^[17].

В своём публичном поле Чилийское руководство постоянно символически подчёркивало Антарктический сектор, как естественное продолжение Чили. Карта «Трансконтинентального Чили» используется на официальных почтовых марках. Также для почтовых марок используются портреты национальные исследователей и военных, занимавшихся освоением «Белого континента». Самый яркий пример – Эрнесто Гонсалес Наваррете – командир Чилийской Антарктической экспедиции, построивший со своими людьми станцию «General Bernardo O'Higgins». Каждая марка – это маленький идеологический манифест, тиражируемый на внутреннем и международном уровне.

Наиболее показательным феноменом стала коммерческая адаптация антарктического нарратива, что показывает её глубокое проникновение в массовую культуру. На рубеже тысячелетий Чилийские телекоммуникационные компании, например Entel использовали антарктическую тему в своих рекламных кампаниях, что усиливало патриотический настрой в антарктическом дискурсе чилийского общества^[18].

Такой подход позволил трансформировать геополитическую претензию в неотъемлемую часть национальной идентичности, сделав её устойчивой к внешней критике и внутренним политическим колебаниям. Слоган о связи, ловящей в Антарктиде, – не просто реклама, а яркое свидетельство того, как идеология суверенитета стала частью повседневного языка и массового сознания чилийского общества.

В то же время аргентинская стратегия фокусируется на символическом огосударствлении жизни и создании максимально автономной системы. Административной и правовой основой для этих действий служит провинция «Provincia de Tierra del Fuego, Antártida e Islas del Atlántico Sur», в состав которой законодательно включена «Аргентинская Антарктика»^[19]. Опорой для аргентинской проекции суверенитета на Антарктиду служит город Ушуая, выступающий в роли главного узла, собственный ледокол «ARA Almirante Irízar» и развернутая сеть баз. База «Эсперанса» моделирует гражданское поселение с государственной инфраструктурой. На территории базы имеются школа, больница, радиосвязь. Кульминацией символической стратегии Аргентины стало спланированное рождение Эмилио Пальмы^[20] в 1978 году – первого человека, рожденного на Антарктиде.

В целом, стратегия Аргентины строится на концепции «Унаследованных прав» и неразрывно связаны с проблемой Мальвинских островов в единый «Национальный вызов»^[21]. Подобное соединение нарративов создаёт образ двойной исторической несправедливости и обладает колоссальной эмоциональной силой. Важно понимать, что такая риторика превращает антарктическую политику из прагматичного вопроса дипломатии в высшую миссию в рамках такого дискурса.

Аргентинский антарктический дискурс – это риторика сакрального, не подлежащего обсуждению реванша. Он превратил геополитическую претензию в краеугольный камень национальной идентичности, сплавленный с травмой фолклендского поражения.

Заключение

Таким образом видно, что уникальная Система Договора об Антарктике входит в XXI

веке в состояние системного напряжения. Появившаяся в уникальном историческом окне возможностей середины прошлого века как «дипломатическое чудо» система сталкивается не с открытым отрицанием, а с комплексным стратегическим обживанием её «правовых лакун». Сегодня постепенно начинают звучать голоса об опасностях нынешней международной обстановки для СДА, но пока эти голоса звучат в рамках уходящей парадигмы международной системы, где доминировали «глобальные институты». Международные процессы эрозии международных институтов, происходившие последние 30 лет путём «гуманитарных интервенций», «операций по принуждению к миру», «специальных военных операций», «антитеррористических операций», сегодня уже достигли своего апогея. Если раньше в рамках послевоенной ялтинско-потсдамской системы война была абсолютным табу, то сегодня она вновь воспринимается как допустимый, хотя и крайний способ в условиях провала дипломатии. Эта перемена знаменует не просто кризис отдельных институтов в отдельных регионах мира, а глубинную трансформацию самой логики международных отношений.

Новая реальность международной системы напрямую проецируется на уязвимый антарктический режим. Исчезновения абсолютного табу на войну снижает психологический барьер перед силовым решением споров. Конфликт в отдалённом регионе, где нет постоянного населения будет восприниматься как наименее рискованная авантюра, и появление таких блоков как AUKUS не ослабляют, а усиливают давление на Антарктический режим. В новой системе стратегии Аргентины и Чили получают новое измерение, где их логистика и связь с южным континентом становится ещё и серьёзным активом для силового удержания в случае дестабилизации режима.

Судьба Антарктики как континента мира и науки более не гарантирована. Система Договора, созданная для изоляции от геополитики, сама стала её объектом. Универсалистский идеализм, на котором она была построена, сталкивается с возрождением в странах национальных интересов и прагматичного реализма.

Исторический опыт показал, что СДА способна преодолевать кризисы через радикальное обновление своих основ, как это было в 1991 году. Однако в прошлом для этого требовалось уникальное стечание обстоятельств – «окно возможностей» конца Холодной войны. Сегодня в условиях эрозии глобальных институтов и роста стратегического соперничества, простое сохранение статус-кво выглядит маловероятным. Продолжение существования СДА в её нынешнем виде потребует не эволюции, а заключения нового фундаментального документа между странами-участницами, который сможет дать ответ на вызовы новой эпохи.

Библиография

1. Горлатых О.Ю. Особенности международно-правового режима Антарктики: теоретико-правовой и практический аспекты // Международно-правовая система и наука в поиске ответов на глобальные вызовы. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2024. С. 117-121. EDN: AHRUGF.
2. Колесникова Е.А. Антарктика: история освоения и перспективы международного управления в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С. 182-203. EDN: VRNIAF.
3. Белоусов В.В. Международный геофизический год // Наука и жизнь. 1957. № 7. С. 27-29.
4. Лукин В.В., Тимохин К.В. Пролог дебюта на шестом континенте // Международная жизнь. 2023. № 9. С. 94-105. EDN: NHLTJB.
5. Степанова С.С. К вопросу о территориальном разделе Антарктики // Актуальные

проблемы науки и практики. 2024. № 1. С. 60-64. EDN: CUUQHW.

6. Podehl, J.G., Donald, R.R. New Zealand and the Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities (CRAMRA): An Unhappy Divorce? // Victoria University of Wellington Law Review. 1992. № 22(1). P. 33.

7. Hemmings, A.D. Why did we negotiate the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty? // Antarctic Science. 2011. № 23(2). Pp. 181-192.

8. Гудев П.А. Проблемы системы договора об Антарктике (Политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 91-103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2. EDN: FNYFTP.

9. Чэнь Ц. Антарктика в Китайской доктрине // Евразийский Юридический Журнал. 2022. № 4. С. 42-43. EDN: BLGEGO.

10. Лабин Д.К., Чэнь Ц. Роль Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике: правовой анализ позиции и действий // Право и управление XXI век. 2025. № 1. С. 49-57. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-49-57. EDN: DZNXNF.

11. Leonova O. The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region // International Organisations Research Journal. 2022. № 3. С. 194-211.

12. Андреев А.С. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 82-94. DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2. EDN: OAHSILW.

13. Ferrada L.V., Caldera D.A. Negotiation, adoption and domestic implementation of the annex on liability to the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty // Antarctic science. 2024. № 5. С. 1-20. DOI: 10.1017/s0954102024000269. EDN: BAVULE.

14. Ferrada L.V. Latin America and the Antarctic Treaty System as a legal regime // The Polar Journal. 2020. № 9(2). С. 286-299.

15. Лукин В.В. Регион для науки – без государственных границ и вооружений. К 65-летию Договора об Антарктике // Общественные науки и современность. 2025. № 3. С. 48-61. DOI: 10.31857/S0869049925030041. EDN: KAMRTC.

16. de la Barra O.P. Chilean Sovereignty in Antarctica. Santiago de Chile: Editorial del Pacífico, 1955. Р. 32.

17. Маменова К.М. Роль государства и международных организаций в управлении Антарктикой // Научные исследования молодых учёных: новая экономика и тренды в устойчивом развитии. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. С. 250-253.

18. Jaeckel A. The International Seabed Authority and the Precautionary Principle: Balancing Deep Seabed Mineral Mining and Marine Environmental Protection. 2017.

19. Алексеенко Ю.А. Предпосылки к эволюции режима управления Антарктикой // Вопросы Политологии. 2022. № 5. С. 1720-1728. DOI: 10.35775/PSI.2022.81.5.037. EDN: PLWGUD.

20. Benwell M.C., Dodds K. Argentine territorial nationalism revisited: the Malvinas/Falklands dispute and geographies of everyday nationalism // Political Geography. 2011. № 30. С. 441-449.

21. Ермолаев И.А. Мальвинские острова: историческое наследие и современные вызовы для Аргентины и Соединённого Королевства // Международные отношения. 2025. № 2. С. 211-220. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73808 EDN: EGDSKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73808

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

О переменах на международной арене сегодня говорят различные специалисты – философы, политологи, социологи. И действительно, на наших глазах происходит трансформация монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в связи с чем вызывает важность изучение различных аспектов становления нового миропорядка. Конечно, на повестке дня по-прежнему такие традиционные горячие регионы, как Ближний Восток, но проблемными становятся и другие зоны, в частности Антарктида, прежде воспринимаемое как исключительно поля для научных исследований.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является современный международно-правовой режим Антарктиды. Автор ставит своими задачами показать обстоятельства заключения Договора об Антарктиде, раскрыть возникающие сложности вокруг Антарктического региона, а также определить дальнейшую судьбу континента в рамках рассматриваемого договора.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников и исследований стремится охарактеризовать современные вызовы Договору о Антарктике.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором трудов отметим работы В.В. Лукина, А.С. Андреева, О.Ю. Горлатых, О. де ля Барры и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения международно-правового режима Антарктики. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современными международными отношениями, в целом, так и Антарктическим регионом, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «современный международно-правовой режим Антарктиды был создан с первоначальной целью заморозки новых территориальных претензий, но его компромиссный характер и гибкие формулировки заложили основу для появления новых вызовов в будущем». Автор обращает внимание на то, что «ранее подобные вызовы страны смогли преодолеть из-за уникальной международной обстановки окончания Холодной войны, то сегодня подобный кризис Система Договора об Антарктике может не пережить». В работе показано, что «в отличие от косвенной стратегии давления на СДА, реализуемой глобальными игроками, стратегии Аргентины и Чили носят прямой и локализованный характер», так, например, «Антарктический сектор

Чили официально включён в состав региона «Magallanes y de la Antártica Chilena».

Главным выводом статьи является то, что «продолжение существования СДА в её нынешнем виде потребует не эволюции, а заключения нового фундаментального документа между странами-участницами, который сможет дать ответ на вызовы новой эпохи».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий современных международных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».